

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ К. Н. БАТЮШКОВА и А. С. ПУШКИН

К. Н. Батюшков иронически отзывался о тех поэтах, «которые проводят целые ночи на гробах... пугают привидениями, духами» (1, т. 2, с. 22). Любя Жуковского — поэта жизни сердца, Батюшков пародировал его мистические мотивы. Это дало исследователю право заметить: «они шли рядом, но далеко не во всем соглашаясь, друзья, но не единомышленники» (2, с. 62).

В. Г. Белинский, характеризуя творчество Батюшкова, иногда называл его классиком (3, т. 7, с. 224). Пушкин считал Батюшкова «счастливым подвижником Ломоносова» (12, т. 11, с. 21). Но Батюшков стоял на пороге нового литературного развития. И поэтому не случайно большинство высказываний о нём связано с восприятием поэта как романтика. Дело здесь не столько в сходстве, сколько в противоположности с Жуковским: «И как хорош романтизм Батюшкова: в нём столько определенности и ясности... это ясный вечер, а не темная ночь, вечер, в прозрачных сумерках которого все предметы только принимают на себя какой-то грустный оттенок, а не теряют своей формы и не превращаются в призраки...» (3, т. 7, с. 237).

Современные исследователи творчества Батюшкова пришли к выводу, что «углубленный интерес поэта к внутреннему миру человека» делает его созвучным творчеству Жуковского, но без его «мистической умонастроенности»: «...творчество Батюшкова представляет собой переходное, предромантическое явление, ко-

торое подготовило «существенные стороны пушкинского романтизма» (4, с. 311). В послании «К Дашкову» (1813) поэт предвосхищал мотивы лирики декабристов:

..Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь...
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

Здесь уже создается ораторская интонация и фразеология, которые потом будут определять эстетическую позицию и стиль декабристских стихов и романтической лирики Пушкина. Ко времени Отечественной войны прекрасное в эстетическом сознании Батюшкова начинает отождествляться не только с изящным, но и с высоким, эстетические представления становятся неотделимы от патриотических идей.

Ведущим началом поэзии Батюшкова был идеал земного счастья. Эстетические воззрения поэта формировались в атмосфере просветительских идей, как их, например, излагал популяризатор французского просветительства Ш. Батте: в природе «содержатся все наши потребности и радости, а изящные искусства для того и существуют, чтобы извлекать их из нее» (5, с. 378). Батюшков искал источник красоты в действительности.

В его эпикуреизме видел Белинский «много человеческого» (3, т. 7, с. 235), он противостоял аскетизму церкви и официального мистицизма начала века.

В «Речи о влиянии легкой поэзии на язык», эстетическом манифесте русского предромантизма, Батюшков утверждал, что истина является поэту, когда он «живет, как пишет, и пишет, как живет... Иначе все отголоски лиры... будут фальшивы» (1, т. 2, с. 120). В его поэзии рисовался портрет прекрасного человека, изящного, гуманного, далекого от официальных ценностей и привилегий, как и от всей остроты противоречий эпохи. В соответствии с учением французских материалистов, Батюшков славил естественного человека: «Его не обрадуют ни триумфы, ни пышный Рим, но спокойствие полей... и эта хижина с простым, соломенным кровом... в которой Делия ожидает» (1, т. 2,

с. 126). Поэт восхищался красотой природы, красотой человека, его светлой душой. Но светлое отношение к «земному» омрачалось элегической печалью при мысли о социальных диссонансах.

В лицейской лирике Пушкин в своем понимании прекрасного, красоты человека и мира во многом опирался на поэзию Батюшкова, хотя кажется некоторым преувеличением мысль Л. Озерова: «всё, что у Батюшкова было намеком... у Пушкина стало... творческой позицией» (6, с. 59). Поэзия Батюшкова «не уносила в область, где тускнели краски, исчезали очертания, терялись границы», в ней не было «ничего неопределенного, ничего чересчур грандиозного и необъятного» (7, с. 246). Она посвящалась поклонникам прекрасного и разумного, но была отъединена от суровых сложностей жизни.

«Элемент чистого искусства выступает в ней на первом плане», — писал в свое время Л. Майков (8, с. 37). Однако с таким мнением нельзя согласиться. Поэзия Батюшкова, как впоследствии и известные стихи о поэте и черни Пушкина, романтически отвергала не передового человека, не народные интересы, а вельмож и рабовладельцев, и тем самым при внешней отчужденности от жизни была полна жизненным содержанием. Прекрасное у поэта полнокровно, привлекательно, исполнено жизни. Эти эстетические представления предопределяли художественные решения поэта. Его образный мир — мир изящного человека: нежные красавицы, любимые книги, друзья-гуманисты, юноши с «золотыми вьющимися кудрями».

Душистые розы как символ красоты, нежности, молодости, как воплощение прекрасного встречаются вслед за Батюшковым, в лицейских стихах Пушкина. Молодой поэт рисовал доброго, изящного человека, виделось обаяние его одухотворенной красоты, слышался «голос милый», «милый взор» проникал в сердце. Таков портрет сестры Пушкина в обращенном к ней стихотворении, прообраз многих героинь в лирике поэта: она в окружении любимых книг — Жанлис и Руссо, Грея и Томсона; среди звуков музыки Рамо, Пуччини, Моцарта.

Но как ни привлекателен был для Пушкина эстетический идеал Батюшкова, все же впоследствии годы

влияния поэта он именовал порой «изнеженной лиры». Такое понимание Батюшкова начало формироваться в лицейское время. Уже тогда Пушкин называл поэта «певцом забав» («Батюшкову», 1815), хотя и помнил его картины «крово́вой брани», и знал, что он «разит, осмеивает порок», и учился у него, как показал Белинский, «легкости, свободе, стремлению к облагороженным наслаждениям жизни» (3, т. 1, с. 166).

Свои лицейские «ветренны́е стихи» Пушкин называл плодом «веселого досуга». Прекрасное, казалось ему тогда, создается «кистью наслаждения». Быть поэтом — значило петь «милые черты», «улыбку радости». Как и у Батюшкова, круг тематики оставался у Пушкина сравнительно узким. Были моменты, когда поэт писал, по собственному признанию, лишь

Для самого себя, для друга,
Да для Темиры молодой.

(«Моему Аристарху»)

Но в эти же годы начинали складываться эстетические основы критики Пушкиным господствующих представлений о красоте. К. Маркс писал, что в дворянско-буржуазном обществе, «наряду с непосредственной формой сокровища, развивается его эстетическая форма, обладания золотыми и серебряными товарами как предметами роскоши» (9, с. 172). Эти эстетические формы собственности и стали предметом отрицания молодого поэта. Вместе с Батюшковым, он осмеивал «жадность к злату», развенчивал златой кумир и глупцов, которые «не разумом, не честностью блистали, но золотом одним», и гордился тем, что судьбой ему даны «не мраморны палаты», «не чистым золотом набиты сундуки» («К другу стихотворцу», 1814).

Пушкин с отвращением слышал «стук колес златых», ему был чужд «поэт с камильонщицей наемной» («Сон», 1816). Подлинно прекрасное заключалось в «злате волн», в «полях златых», в «златых кудрях милой».

Простота и непритязательность, царившие в его поэзии, контрастировали со светской роскошью. Большой город противопоставлялся уединенному домику поэта, стук карет — скрипу телеги, отвергалось все «ложно блестящее». Иронически звучали слова о «сиятельных повесах» («К студентам», 1814), о мире, где все продажно:

. . . . . законы, правота,
и консул, и трибун, и честь, и красота

(«Лицинию», 1815)

Гримированные красавицы в театральных и бальных залах, «в алмазах, яхонтах, топазах», представлялись нарумяненными застывшими масками.

Эстетические вкусы крепостнических верхов резко расходились с пушкинскими:

Твой голосок, телодвиженья,
немые взоров обращения
Не стоят, признаюсь, похвал, —

иронизировал он над модной актрисой, хотя «ценители» ее «дарования» шептали: «Как хороша!», и формы «миленькой актрисы» заставляли их забывать о фальшивом пении.

Эстетический идеал Пушкина сближался с батюшковским прежде всего потому, что оба они искали прекрасное в самой жизни, хотя и в ее изящной сфере; стремились создать образ прекрасного человека, а в годы, когда начинал писать Пушкин, и героя-гражданина. Но превосходный талант Батюшкова, как горестно заметил Белинский, «был задушен временем» (3, т. 7, с. 248).

Пушкин в дальнейшем отошел от социально и эстетически ограниченного в творчестве Батюшкова и создал новое, более глубокое и полное понимание красоты.

Правда, расширить круг тем стремился и Батюшков. «Мне хотелось бы, — писал он, — дать новое направление моей крохотной музе и область элегий расширить» (1, т. 3, с. 448). До некоторой степени это поэту удалось. Вслед за «Посланием к Дашкову» он написал «Переход через Рейн», «Пленного», «Умиряющего Тасса». Недаром Пушкин призывал поэта «смело грянуть в звучны струны»:

Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Нельзя не согласиться с мыслью Г. Макогоненко, что и тогда «весь мир пушкинского творчества не ограничивался поэзией Батюшкова. Поэт хотел писать так, «чтобы его поняли все от мала до велика» («Бова», 1814.), хотел бы сравниться с Радищевым. В сказку «Бова» «вместо «красных вымыслов» вторгалась

политика» (10, с. 559). К традициям Батюшкова присоединялась и радищевская традиция.

Пушкин был единственным деятелем русской литературы того времени, который в течение всего своего творчества неустанно напоминал о Радищеве. Он укорял А. Бестужева, умолчавшего о Радищеве в обозрении русской литературы за 1823 год: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева, кого же мы будем тогда помнить» (12, т.13, с.64). Пушкин видел в Радищеве «дух необыкновенный», «удивительное самоотвержение» (12, т.12, с.32—33) и свои эстетические представления формировал не только на основе традиций классицизма, Жуковского и Батюшкова, но и следуя идеалу Радищева. Последний мерилom прекрасного называл не «украшенную природу», не бесплотную «небесную красоту», а человека: «Человеку благолепие сродно»; когда художник «изящные черты изобразить хочет, он изображает человека» (11, с.101).

В лицейской лирике Пушкина проявляется стремление к восприятию прекрасного в его жизненном многообразии, в драматических и комических, высоких и повседневных проявлениях. Отшельничество, уход от противоречий действительности в мир изящного, характерные для некоторых моментов в развитии Батюшкова, не были восприняты поэтом. Об этом он писал П. А. Вяземскому 27 марта 1816 года: «Что сказать вам о нашем уединении? Никогда лицей не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются будто бы жилали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину» (12, т.9, с.8). Пушкину был дорог шумный мир действительной жизни. Он мечтал о времени, когда «падут затворы» с «каменных ворот», останется позади темная келья лица, и он вступит в жизнь. Его идеал поэта был шире батюшковского, проникнутого, по изящному выражению Белинского, «грацией наслаждения» (3, т. 7, с. 149—150).

«Игры младости» остались позади. Поэту было трудно расставаться с Эротом, с игривой толпой муз, но силы другой, более могущественной красоты влекли к себе:

Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфину.
Напрасно!..

(Элегия «Я думал, что любовь...», 1816)

Уже в лицее Пушкин замечал, что он «не тот», «невидимой стезей ушла пора веселости беспечной; навек ушла». Время заставляло бежать «из круга смехов и харит». Но естественно, своей новой эстетической программы Пушкин в лицее еще не определил. Возникают кризисные моменты, характерные для переходного периода: он «уныл и мрачен», решает навсегда покинуть лиру («Любовь одна...», 1816). Но предгрозовые годы кануна декабристского восстания раскрывали новые горизонты, новые дали прекрасного, ведущие к вольнолюбивой романтике.

Свои «Заметки на полях 2-ой части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова» Пушкин начал делать еще в лицее, а затем не раз к ним возвращался. Они датированы 1817—1820 годами и представляют собой оценку поэзии Батюшкова, ее содержания, формы и эстетической программы.

Отрицательно смотрел поэт на батюшковские сентиментально-романтические «традиционализмы». В строках из стихотворения «В день рождения N»:

О ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза, некогда цвела
Небесной красотою —

слово «небесной» подчеркнуто, как подчеркнуты все неудачные, с точки зрения Пушкина, места в книге поэта (12, т. 12, с. 262). Отвлеченные представления о прекрасном в стихотворении «Воспоминания», с его традиционным рисунком «муз прелестных», вызывают у Пушкина реплику: «вяло» (12, т. 12, с. 259). Воспевание «неземной красоты» порождает еще более резкую оценку. На полях строфы:

Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или забывшись на лоне красоты,
И сон вкушал прелестной...

пометка Пушкина: «дурно». «Детскими стихами» называет он образ «посланниц небесных Валькирий прелест-

ных» (12, т. 12, с. 269). Подобные замечания настойчиво делаются в связи с аналогичными мотивами:

Хижину свою поэт дворцом считает,
И счастлив!.. он мечтает! —

«самое слабое из всех стихотворений Батюшкова» (12, т. 12, с. 272). И наконец, строка «Я с сифлами взлечу на небеса» порождает досаду: «Вот сунуло куда!» (12, т. 12 с. 274). Последнее замечание особенно колоритно показывает отношение Пушкина к сентиментально-романтической эстетической концепции, оказывавшей влияние на Батюшкова. Сентиментальная красавица претитла Пушкину:

Только дружба обещает
Мне бессмертия венки;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек —

«что за детские стихи!» Таковы и пометки на полях стихотворения «Источник», где «дева невинная» сравнивается с «цветком розмариновым» (12, т. 12, с. 265). А подражание «Сельскому кладбищу» Жуковского стихотворение «Последняя весна»:

Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать

вызывает, очевидно, из-за своей шаблонности чрезвычайно резкое замечание: «Черт знает что такое!» (12, т. 12, с. 263).

Избитые романтические фразы, картины, сцены все время отрицательно оцениваются Пушкиным.

Твоей сскирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам ты пал на горах тел,
Пал, витязь знаменитый,
Под тучей вражьих стрел! —

все это названо «детскими стихами» (12, т. 12, с. 269).

Часто встречается среди пометок и требование точности, возникающее как реакция на неопределенность, аморфность образа. Точность мыслится как признак красоты. Без точности невозможна жизненность образа. Так, например, подчеркнуто: «чаша золотая там будет в прахе истлевать» (12, т. 12, с. 262). Пушкин отмечает неточность наименования Батюшковым Ермака

«Сибирским Пизарром», ибо между Ермаком и конкистадором не было ничего общего (12, т. 12, с. 276). В стихотворении «Выздоровление» подчеркнута выражение «ландыш под серпом убийственным жнеца», а справа пояснение: «Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных» (12, т. 12, с. 260).

Но всегда Пушкин принимал жизнеутверждающее начало поэзии Батюшкова. Стихотворение «Мои пенаты» дышало для него каким-то «упоением роскоши, юности и наслаждения» (12, с. 12, с. 274).

«Вакханка», стихотворение, заимствованное из Парни, оценивалось выше оригинала — «лучше подлинника, живее» (12, т. 12, с. 277). «Таврида» нравилась Пушкину не только потому, что он сам любил Тавриду, а роскошью и «небрежностью воображения» (12, т. 12, с. 263) — новый пушкинский критерий, идущий от жизни на смену классицистической правильности. Действительно, в этом стихотворении все дышало жизнью: «валит шумящий дождь», лето «палит иссохши злаки». Собственно батюшковскими стихами Пушкин считал те, в которых картины имели русскую национальную окраску. Поэтому из большого произведения «На развалинах замка в Швеции» он выделил лишь некоторые строфы:

Красавица стоит безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах... —

«вот стихи... собственно Батюшкова, — вся строфа прекрасна» (12, т. 12, с. 258). На полях «Элегии из Тибулла» Пушкин сделал пометку «прелесть» возле строк, живо напоминающих посвященные поэтом своей няне.

При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясный.
И тихо вретено крутя в руке свосй,
Расскажет повести и были старых дней (12, т. 12, с. 259).

У Батюшкова есть ряд произведений, к которым впоследствии становились близки пушкинские:

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламене светлом вздохните.
(«Гезиод и Омир, соперники»)

Замечание Пушкина — «прекрасно» (12, т. 12, с. 266). Поэт хвалил стихи Батюшкова, в которых с присущей поэту силой выражалось чувство. Возле слов:

Что потеряла ты? Лыстецов бездушный рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов;
Судей безжалостных, докучливых нахалов —

Пушкин писал: «Есть чувство» (12, т. 12, с. 263).

Чрезвычайно высокую оценку дал Пушкин героическим, гражданским романтическим мотивам лирики Батюшкова, стихотворениям «К Дашкову», «Пленный». Правда, в этом случае поэт жалеет, что русский казак 1812 года говорит, «как трубадур», слогом Парни, а не по-русски.

«Заметки на полях «Опытов» ярко представляли эстетическую позицию Пушкина, которая отличалась самобытностью, широтой в подходе к наследию, критicismом и реализмом.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Батюшков К. Н. Полн. собр. соч. В 3-х т. Спб., 1885—1886.
2. Сотников А. Т. Батюшков. Вологда, 1951.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955.
4. Фридман Н. В. Основные проблемы изучения творчества К. Н. Батюшкова. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1964, т. 23, вып. 4.
5. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1964, т. 2.
6. Озеров Л. Работа поэта М., 1963.
7. Розанов И. Н. Русская лирика. Историко-литературные очерки М., 1914.
8. Сборник отделения русского языка и словесности Имперской Академии наук. Спб., 1888, т. 43.
9. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В 2-х т. М., 1957, т. 2.
10. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956.
11. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии — Полн. собр. соч. М.-Л., 1938, т. 2.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 1—16. М., 1937—1949.

Е. П. ГОРБЕНКО

П. А. ПЛЕТНЕВ и А. С. ПУШКИН

В литературоведении до сих пор не было попытки систематизировать все имеющиеся о П. А. Плетневе све-

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ПИСАТЕЛЯ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК

Краснодар
1981